

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКІЙ МЕХАНИКЪ КУЛИБИНЪ.

АНЕКДОТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. В. ВИСКОВАТОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

ВЪ ПЕРВОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ, мучной торговецъ изъ Нижнему Новѣгороду.

Ульяна, его жена.

Наташа, племянница Кулибина.

Провзжій изъ Петербурга.

Дѣйствіе происходитъ въ Нижнему Новѣгороду, въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

ВО ВТОРОМЪ И ТРЕТЬЕМЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

Неизвѣстный.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

Ульяна.

Наташа.

Эйлеръ, членъ Академіи Наукъ.

Готтлибъ Карловичъ Шприхвортъ, учитель С. Петербургской Академической Гимназіи.

Александръ Осиповичъ Любиновъ, молодой человекъ, племянникъ Шприхворта.

Тихонъ Корниловъ Скрыповъ, секретарь канцеляріи С. Петербургской Академіи Наукъ.

Осипъ Ивановичъ Бедрвнъ, чиновникъ канцеляріи Свѣтѣйшаго Князя Потемкина.

Меркулъ Федудовичъ Курацашъ, помощникъ квартирн-маіора.

Анна Трифоновна Зыкина, чиновница, живущая въ одномъ домѣ съ Кулибными.

Елкина.

Вохрина.

Скляева.

Станкина.

} Пріятельницы Зыкиной.

Ефимьевна, работница въ домѣ Кулибныхъ.

Десятникъ.

Рабочій.

Одинъ изъ народа.

Члены Академіи Наукъ. — Рабочіе. — Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ С -Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

ЧАСОВЩИКЪ-САМОУЧКА.

Комната въ квартирѣ Кулибныхъ, съ простою мебелью и стариннымъ фортепяно. На задней стѣнѣ висятъ деревянные часы съ желѣзными гириями. Кулибинъ, углубленный въ чтеніе, сидитъ у стола, на которомъ разложены книги, газеты, ноты, чертежи и бумаги.

I.

Кулибинъ (*читаетъ*).

Воззри въ лѣса на бегемота,
 Что мною сотворенъ съ тобой :
 Колючій тернъ его охота
 Безвредно поспрять ногой.
 Какъ вервви сплетены въ немъ жилы,
 Отвѣдай ты свои съ нимъ силы :
 Въ немъ ребра, какъ литая мѣдь ;
 Кто можетъ рогъ его содрѣть?

Ты можешь-ли левіафана
 На удѣ вытащить па брегъ?
 Въ среднѣ самой океана
 Онъ быстрый простираетъ бѣгъ ;
 Свѣтящимся чешуями,
 Покрывать, какъ мѣдными щитами,
 Копье и мечъ и молотъ твой
 Считаетъ за тростникъ гнилой...

Да, велики чудеса въ Божьемъ мірѣ! Къ этимъ чудесамъ принадлежитъ и тотъ, кто написалъ эту оду.... Дивное дѣло! нашъ братъ простолюдинъ, холмогорскій рыбакъ, сдѣлался великимъ ученымъ, засѣдалъ въ Академіяхъ, былъ почтецъ всѣми и имя его славится во всѣхъ концахъ русской земли. И старыи и малыи слышали про Ломоносова, а ты Иванъ сиди въ захолустьи, починивай часы, да смотри за своимъ лабазомъ, чтобъ было чѣмъ прокормиться съ семьею. (*Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ*). Вотъ, еслибъ привелось мнѣ быть въ Питерѣ! Да, тамъ, можетъ статья, дѣло пошло-бы иначе. Тамъ напомнилъ-бы я о себѣ матушкѣ-Царицѣ, отыскалъ бы прежнихъ моихъ благодѣтелей, нашель-бы работу по своему призванію и сталъ-бы жить спола-горя.

—

II.

КУЛИБИНЪ И УЛЬЯНА.

УЛЬЯНА.

Ну, вотъ кормилецъ, ты опять за бездѣльемъ. Ходишь словно шальной, изъ угла въ уголъ, да книжки читаешь; а что-бы заглядывать чаще въ лабазъ? Вѣдь того и смотри, что скоро нечѣмъ кормиться будетъ. Сосѣдъ нашъ Григорьичъ, небось, не богаче былъ нашего, а теперь живетъ себѣ припѣваючи, ни дать ни взять у Христа за пазухой. Мы, что день, то бѣдняемъ, за торговлей призору нѣтъ, товаръ пораспущенъ въ долги, никто не платитъ, а тебѣ, не въ обиду будь сказано и горюшка мало. Ох-ох-охъ, Петровичъ, плохое дѣло не въ свои сани садиться! Ну, что тебѣ изъ того, что ты начитался всякой всячины, что ты выучился чинить да дѣлать часы, да строить какіе-то струменты и машины? на то есть другіе люди, ученые, за ними ты не утянешься. Вотъ взялъ ты на попеченье и сестрину дочку сиротинку, а на приданое не сколотилъ ей ничего. Дѣвушка кровь съ молокомъ, на возрастѣ, а того и смотри, что весь вѣкъ въ дѣвкахъ останется. Нынче времена не прежнія: безъ приданого невѣста съ рукъ нейдетъ. Право, Петровичъ, послушайся хоть разокъ бабьяго разума! брось всѣ затѣи, да возьмись за торговое ремесло. Лучше будетъ.

КУЛИБИНЪ.

Эхъ, матушка, любишь ты про одни дрожди твердить

тужи, Съ голоду не умремъ, Наташино время еще не ушло. Дастъ Богъ, пойдетъ лучше. Трудъ и терпѣніе все преодолеваютъ.

УЛЯНА.

Дастъ Богъ, пойдетъ лучше!... Когда-то еще пойдетъ, а покажѣтъ идетъ плохо, и что день, то плоше. Право, ужъ даже горожане посмѣиваются: что-де, говорятъ, Иванъ Петровичъ, корнѣтъ надъ науками, часы да машины строить, а богатства себѣ не выстроилъ. Горемычное наше житѣе, да и только.

КУЛИБИНЪ (*протягивая женѣ руку*).

Не грусти, Ульяна, Богъ милостивъ. Говорю тебѣ, что настанутъ времена лучшія.

УЛЯНА (*утирая передникомъ глаза, говоритъ сквозь слезы*).

Настанутъ!... а когда настанутъ? Говорятъ же люди, что пока взойдетъ красное солнышко, роса глаза выѣстъ. Охтихти! Видно, что съ чѣмъ пришла, съ тѣмъ и ушла; видно, что не переломить ужъ миѣ моего голубчика. Господь съ тобою, Петровичъ; смотри, спохватисься, да поздно будетъ. Пойду помогать Наташѣ. Нечего сказать, хоть и въ дворянскомъ домѣ и на заморскихъ хлѣбахъ выросла, а дѣвица рукодѣльная, подлинно труженица. Послалъ бы ей Богъ добраго женишка, да богатаго. (*Уходитъ*.)

III.

КУЛИБИНЪ (*одичь, послѣ некотораго раздумья, смотря вслѣдъ женѣ*).

Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ.... Да, она права! но какъ же быть и мнѣ? Развѣ бросить мои книги, музыку.... все, надъ чѣмъ провелъ лучшіе мои годы, все, что было утѣхою моей жизни?... Нѣтъ, этому не бывать. И Ломоносовъ терпѣлъ и ему встрѣчались препятствія, а онъ, родимый, вышелъ изъ бѣдъ и горя, какъ золото изъ горнила. Терпи Иванъ, можетъ быть придетъ и твоя череда.... Да, придетъ, но только не здѣсь, а въ Питерѣ.... А какъ заберусь я въ Питеръ? Какъ перетащу туда семью? какъ разстанусь съ родиной, съ могилами отца и матери?... Сяду опять за Ломоносова, авось въ его стихахъ пайду утѣшеніе.

(Перелистываетъ книгу; въ это время входитъ провѣзжій изъ Петербурга).

—
VI.

КУЛИБИНЪ И ПРОВѢЗЖІЙ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

ПРОВѢЗЖІЙ.

А что, здѣсь живетъ часовщикъ? Какъ бишь его: Куби....
Кули....

КУЛИБИНЪ.

Кулибинъ?

ПРОВѢЗЖІЙ.

Да, да, точно такъ, Кулибинъ; не могъ вдругъ вспомнить имени.

КУЛПВАНЪ.

Здѣсь живетъ. Я самъ къ вашимъ услугамъ. Что изволите приказать?

ПРОВѢЗЖІЙ.

Дорогой изъ Петербурга, за двѣ станціи до здѣшняго города, у меня остановились часы. Безъ часовъ въ пути бѣдовое дѣло. Пріѣзжаю сюда, въ Нижній, и спрашиваю: нѣтъ ли здѣсь часоваго мастера? Говорятъ, есть, вонъ тамъ, на концѣ улицы, спросите Кулибина, или просто часовщика, всякой укажетъ. Онъ только одинъ у насъ это ремесло знаетъ. На же, братъ, посмотри, да полно по силамъ-ли? Вѣдь это не то, что тяпъ да ляпъ. Пожалуй, такъ починишь, что и бросить впору. Это не то, что твои стѣнные. Ужъ не твоей-ли они работы?

КУЛИБИНЪ (*разсматривая часы провѣзжаго*).

Моей, батюшка! Такъ, одна изъ первыхъ попытокъ. А ваши часы отличные, англійской работы, ходъ на алмазѣ. Они не испортились, а позасорились! Надобно только вычистить. Къ вечернямъ будутъ готовы.

ПРОВѢЗЖІЙ.

Браво! да ты, какъ я вижу, знаешь дѣло.

КУЛИБИНЪ.

Если бы, батюшка, не зналъ, такъ и не брался бы.

ПРОВѢЗЖІЙ.

Да гдѣ-жъ ты учился: въ Москвѣ? въ Петербургѣ?

КУЛИБИНЪ.

Ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, господишь, а здѣсь у себя, въ Нижнемъ, самоучкою.

ПРОВЗЯЙ.

Самоучкою? часъ отъ часу нелегче! Да ты, братъ, видно не изъ дюжинныхъ. Что это у тебя на столѣ? книги?... стихотворенія Ломоносова! Не ты-ли ужъ читаешь ихъ?

КУЛИБИНЪ.

Есть тотъ грѣхъ, батюшка! люблю читать его оды и многое знаю наизусть. Вѣдь и онъ былъ такой же простолюдинъ.

ПРОВЗЯЙ (*продолжалъ разсматривать заглавія книгъ*).

«Сокращеніе первыхъ основаній математики, сочиненіе Христіана Вольфа»... «Краткое руководство къ теоретической геометріи, Георга Крафта»... «Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ, Крафта»... «Вольфианская теоретическая физика»... Неужго ты и эти книги читаешь?

КУЛИБИНЪ.

Бываетъ, милостивецъ; почитываю когда на досугѣ. Самъ очень люблю механику.

ПРОВЗЯЙ (*продолжалъ перебирать на столѣ*).

Ученыя прибавленія къ Санктпетербургскимъ Академическимъ Вѣдомостямъ.... чертежи, ноты.... А къ чему же ноты, кто у тебя играетъ на фортепьяно?

КУЛИБИНЪ.

Самъ, батюшка, подъ часокъ потѣшаюсь; да еще играетъ у меня сиротка-племянница, покойной сестры дочка. Въ малолѣтствѣ она была призрапа зажиточной барыней; да Богъ послалъ по душу благодѣтельницы. Такъ вотъ мы съ женой и взяли къ себѣ безпріютную. За то она и утѣшаетъ насъ.

ПРОВЗЯЙ (*продолжалъ смотреть далѣе*).

Ба! и черновыя стихотворенія : ужъ и они не твоего-ли сочиненія?

КУЛИБИНЪ.

Маракуемъ немного, батюшка! Это, изволите видѣть, кантата, написанная мною, въ честь пріѣзда въ Нижній нашей Царицы. Она, матушка, изволила пожаловать меня за нее денежною наградою.

Провзжій (читая кнѣзю).

Толь процвѣтаетъ твоя держава,
Вездѣ сіяетъ полъ солнцемъ слава,
Лучь простираетъ и досягаетъ
До другихъ державъ.

Недурно.... механикъ, музыкантъ, пишетъ стихи.... и все самоучкою!... Говорите же послѣ этого, что русскій умъ созданъ только подражать, а не творить. Нѣтъ, съ этимъ чело-вѣкомъ надо ближе познакомиться. Послушай, г-нъ Кулибинъ, какъ величать тебя по имени и отчеству?

Кулибинъ.

Иванъ Петровъ....

Провзжій.

Такъ послушай-ко, Иванъ Петровичъ, ты слишкомъ заинтересо-валъ меня. Я вижу, что ты чело-вѣкъ необыкновенный и очень былъ-бы радъ, если-бы ты потрудился рассказать о твоёмъ происхожденіи, о твоей жизни и о томъ, какъ здѣсь въ Нижнемъ, вдали отъ наукъ и искусствъ, ты могъ познакомиться съ науками и искусствами?

Кулибинъ.

Если вамъ непременно угодно, я расскажу вамъ про мою темную жизнь въ короткѣ. Отецъ мой, небогатый купецъ, торговалъ въ здѣшнемъ городѣ, въ приходѣ Успенія, мукою. У него выучился я читать, писать и считать по счетамъ, потомъ посадили меня въ отцовскій лабазъ сидѣльцомъ. Не до торговли было мнѣ. Бывало спужу себѣ за мучными кулями, да рѣжу изъ дерева флюгера, толчен и другія подобныя вещи, а какъ побѣгутъ весною съ горъ водные ручьи отъ тающаго снѣга, я ставилъ надъ этими ручьями водяныя мѣльницы. Много брани и побоевъ вытерпѣлъ я за эти шалости и всѣ родные и знакомые пророчили, что изъ малаго проку не будетъ. Уступая отцовскимъ просьбамъ, я бросилъ эти занятія, но любопытство привлекло меня къ другой вещи. То были часы на Строгоновской колокольнѣ, съ курантами, показывавшіе движеніе небесныхъ сферъ и двѣнадцать созвѣзій. По цѣлымъ часамъ, даже по цѣлымъ днямъ, ставалъ я передъ ними, всходилъ на самую колокольню и не понимая внутренняго устройства часовъ, любилъ ихъ, какъ друга. Однажды зайдя къ моему сосѣду, мнѣ было тогда 17 лѣтъ, я увидѣлъ у него стѣнные часы, съ деревянными колесами.... они-то дали мнѣ первыя понятія о механизмѣ. Съѣздивъ потомъ по чужимъ дѣламъ въ Москву,

я имѣлъ случай видѣть карманные часы и, воротясь въ Нижній, самъ сдѣлался часовщикомъ. Первое мое издѣліе были стѣнные часы съ кукушкою; вотъ эти самыя, которые висятъ за вами.

ПРОВЗЖІЙ.

И это все сдѣлалъ ты одинъ, безъ руководителя?

КУЛИБИНЪ.

Одинъ, самъ собою. Съ той поры я сдѣлался часовщикомъ, а между тѣмъ прошли еще 13 лѣтъ; я завелся семействомъ. Увидѣвъ англійскій телескопъ, съ металлическими зеркалами, послѣ того микроскопъ, а потомъ электрическую машину, я вздумалъ ухитриться, сдѣлать такіе же самъ....

ПРОВЗЖІЙ.

И сдѣлалъ?

КУЛИБИНЪ.

Да, сдѣлалъ, и такъ сдѣлалъ, что самому было любо! Я затѣялъ устроить часы въ видѣ яйца, гдѣ внутренній механизмъ изображалъ Христово Воскресеніе. Намѣреніе мое было поднести ихъ Государынѣ, но какъ, и черезъ кого? Работа шла ужъ три года, въ которые я много ночей проводилъ безъ сна и выносилъ труды неслыханные. Въ одну ночь, никогда не забуду я этого, — приснилось мнѣ, что къ моему окну прилетѣли три орла. Сначала я испугался, но вскорѣ ободрился и посыпалъ имъ пшена. Они начали клевать. —Высоко-ли вы летаете, орлы? спросилъ я у нихъ.—«Развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ старшій орелъ, что мы паримъ близъ солнца.»—Съ этимъ словомъ всѣ три орла вспорхнули, и я проснулся. Глаза мои были полны слезъ. Считая сонъ Божіемъ посѣщеніемъ, я укрѣпился въ мужествѣ и продолжалъ работу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашъ городъ былъ осчастливленъ пріѣздомъ Царицы. Я окончилъ часы и сочинилъ въ честь ей кантату, вотъ эту самую, которую вы читали. Здѣшній губернаторъ, узнавъ о моихъ трудахъ, представилъ меня тремъ вельможамъ, прибывшимъ съ государыней. Это были три родные брата. Они обласкали меня, и глядя на нихъ, я вспомнилъ про трехъ орловъ, видѣнныхъ мною въ вѣщемъ снѣ моемъ. Старшій изъ вельможей велѣлъ мнѣ взять съ собою часы, элетрическую машину, телескопъ, микроскопъ, кантату и повезъ меня къ государынѣ.

ПРОВЗЖІЙ.

Что-жь она?

КУЛИБИНЪ.

Она приняла меня милостиво, выслушала всё мои объясненія, допустила меня къ державной рукѣ своей, пожаловала за часы тысячу рублей, а самые часы и прочія вещи моей работы повелѣла отправить въ Петербургъ и хранить, какъ рѣдкость, въ кунсткамерѣ, въ той самой кунсткамерѣ, гдѣ хранятся вещи великаго государя, Петра Алексѣевича. Съ той поры живу я по прежнему въ Нижнемъ, дѣлаю по заказамъ часы, починиваю ихъ, придумываю и строю разныя машины и такъ провожу время, кое — какъ прокармливая себя трудами и небольшою торговлей, послѣ отца наслѣдованной.

ПРОВЗЯНІЙ.

Чинишь часы, дѣлаешь новые, изобрѣтаешь машины... все это прекрасно, а знаешь-ли, Иванъ Петровичъ, что мнѣ пришло въ голову? Петербургъ, эта созданная Петромъ молодая столица Россіи, день ото дня богатѣетъ народонаселеніемъ; день ото дня украшается новыми зданіями; на берегахъ Невы красуются длинные ряды каменныхъ палатъ. Одно, и важное неудобство, имѣетъ этотъ городъ: въ весеннее и осеннее время, когда ледъ затрудняетъ, а на нѣсколько дней и совсѣмъ прекращаетъ сообщеніе между двумя половинами города, раздѣляемыми Невой, Васильевской островъ, съ Петербургскою и Выборгскою сторонами, составляетъ особенный городъ: тамъ биржа, кадетскіе корпуса, Академіи, многія тысячи жителей... и все это претерпѣваетъ большое неудобство, отъ неимѣнія черезъ Неву постоянного моста. Что, если-бы ты, силою твоего гениальнаго ума, придумалъ такой мостъ, да представилъ его чертежъ, пли модель, чрезъ твоихъ покровителей, Государынѣ? Вѣчное спасибо было-бы тебѣ отъ петербургскихъ жителей и вѣчная слава, какъ первому соорудителю постоянного невскаго моста. Обдумай-ко хорошенько, да и что тебѣ сидѣть въ Нижнемъ, гдѣ дарованіямъ твоимъ мало и пищи, и простора. Поѣзжай въ Петербургъ, поселись тамъ, и подъ покровительство Монархини, созидай дѣла, которыя могутъ обезсмертить твое имя. Подумай объ этомъ, а между тѣмъ позволь мнѣ пожать твою руку. Черезъ три часа я вернусь за моими часами, а въ это время ты сколько-нибудь надумаешься. Помни, что подъ лежащей камень и вода не течетъ. *(Уходитъ въ одну дверь, а Уляна входитъ въ другую.)*

V.

КУЛИБИНЪ И УЛЪЯНА.

УЛЪЯНА.

Что это, родимый, за господинъ такой? Ужъ не осердчались онъ на тебя, что такъ громко разговаривалъ? Пуще смерти боюсь ссоры.

КУЛИБИНЪ.

Будь покойна, Улъяна, ссоры никакой не было, а просто, господинъ этотъ проѣзжій изъ Питера, принесъ мнѣ поправить свои карманные часы.

УЛЪЯНА.

Да что же это, родимый, онъ такъ громко разсуждалъ, что ижно въ другомъ покоѣ, за дверьми было слышно?

КУЛИБИНЪ.

Что разсуждалъ? А какъ бы ты думала, а? Знаешь-ли, что этотъ господинъ крѣпко совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Питеръ?

УЛЪЯНА.

Въ Питеръ?

КУЛИБИНЪ.

Да, въ Питеръ. Я и самъ часто объ этомъ подумывалъ; да такъ, что-то все не рѣшался, а теперь....

УЛЪЯНА.

Что-жъ теперь? Прислали за тобой, что-ли? .. Зовутъ тебя? Кажись не зачѣмъ. Въ Питерѣ и безъ тебя часовщиковъ много.

КУЛИБИНЪ.

Не ради часовъ, и зовутъ меня не люди, а зоветъ дѣло, дѣло великое!

УЛЪЯНА.

А какое-же, батюшка, дѣло? Ужъ не жадоба-ли какая, не тяжба-ли? Кажись, намъ тягаться не-съ кѣмъ, да и не изъ-за чего; къ тому-жъ у тебя въ Питерѣ нѣтъ и души знакомой.

КУЛИБИНЪ.

Нѣтъ, такъ найдутся. Я обращаюсь къ Академіи, и она приметъ меня въ свои объятія.

УЛЪЯНА.

Что это ты, родимый, упаси Господи! Да ужъ не спятили-ли ты съ ума? На что-жъ у тебя законная жена? съ какою ты

еще барыней тамъ обниматься хочешь? Какая это Кадемія? Видишь, Петровичъ, до чего доводятъ науки, струменты и машины. Пришла пора, что и жены мало.

VI.

ТЪ ЖЕ И НАТАША.

НАТАША.

Дядюшка! я васъ ищу! Да что это вы, тетушка, будто плачете, что съ вами?

УЛЬЯНА.

Охъ, плохо Наташа! Дядя твой, видишь, хочетъ ѣхать въ Питеръ, да обниматься съ какой-то Кадеміей. Богъ вѣдаетъ, что это за барыня. Ей-то ни што, а каково мнѣ безъ Ивана Петровича.

КУЛИБИНЪ (*смѣясь*).

Подлинно ученье свѣтъ, а неученье тьма. Тетка твоя приревновала меня, какъ бы ты думала, къ кому? Къ покровительницѣ наукъ и искусствъ, къ С.-Петербургской Академіи!

УЛЬЯНА

По неволѣ приревнуешь : столько лѣтъ по Божіей милости дружно и ладно жили, а теперь....

НАТАША.

Успокойтесь, тетушка! Академія не барыня, а мѣсто, гдѣ судятъ и рядятъ ученые объ ученыхъ дѣлахъ.

УЛЬЯНА.

Такъ вотъ что, давно бы сказалъ такъ, а то и ни вѣсть что подумаешь. Что это ты принесла? не опять-ли вѣдомости? Ужъ хоть-бы ихъ и на свѣтѣ не было! только моего Петровича смущаютъ.

НАТАША (*подаетъ Кулибину газеты*).

Новыя вѣдомости. Сейчасъ только принесли съ почты.

КУЛИБИНЪ (*съ жадностію сватываетъ и перелистываетъ газеты*).

Австрія.... Франція.... Англія.... Италія.... продажа.... все не то.... Ученыя извѣстія.... вотъ оно. Посмотримъ, что новаго.... Ульяна! Наташа! Пишутъ изъ Англіи, что и Лондонская Академія назначила знатное награжденіе «тому, кто сдѣлаетъ лучшую модель такому мосту, который-

«бы состоялъ изъ одной дуги или свода, безъ свай и «утвержденъ бы былъ концами своими только на берегахъ «рѣки». Который бы состоялъ изъ одной дуги безъ свай... Да, такъ, ничего не можетъ быть лучше. И, я придумаю такой мостъ. Не унывай Иванъ, смѣлымъ Богъ владѣетъ! Теперь думать и откладывать нечего. Ульяна! Наташа! ѣдемъ въ Питеръ.

НАТАША.

Въ Питеръ?

УЛЬЯНА.

Какъ родимый, да ты и впрямъ затѣялъ въ Питеръ? Подумалъ—ли ты: сторона дальняя, знакомыхъ нѣтъ, жить дорого, а мы и здѣсь-то въ Нижнемъ еле-еле перебиваемся.

КУЛИБИНЪ

Сыты будемъ, Ульяна, а дастъ Богъ пойдетъ на ладъ дѣло, такъ сама скажешь спасибо.... Рѣшено: въ Питеръ!

УЛЬЯНА.

Помплуй, Петровичъ, да что тамъ безъ тебя не кому что-ли мостовъ строить?

КУЛИБИНЪ (*не слушая ея*).

Да что въ самомъ дѣлѣ! А развѣ я не могу, при Божьей помощи, сдѣлать такую модель моста, какъ требуетъ Лондонская Академія? Богъ съ ними, съ англійскими деньгами. Не о нихъ я думаю, а думаю объ общей пользѣ и не по-таю грѣха, думаю о славѣ, какая ждетъ меня, мужика, за такое дѣло.

УЛЬЯНА.

Помяни мое слово! не доброе ты затѣваешь! Славны бубны за горами. Въ Питерѣ и безъ тебя много умниковъ да разумниковъ. Каждый годъ изъ-за моря ихъ сотнями приваливаетъ. Простому человѣку, да еще нашему брату неученому русскому тамъ не ужиться. Какъ разъ подобьютъ крылышки. Эй, не зарься на Питеръ; не мѣняй вѣрнаго на невѣрное.

КУЛИБИНЪ.

Нѣтъ, вы не уговорите меня. Здѣсь, я словно лежачій камень, а тамъ я найду.... Государыня меня вспомнить и не оставитъ; Академія надѣлитъ меня средствами.... Рѣшено: въ Питеръ! въ Питеръ! (*Бѣжитъ въ дверь.*)

УЛЬЯНА (*за нимъ, съ крикомъ*).

Иванъ Петровичъ! Опомнись! Иванъ Петровичъ!...

(*Занавѣсъ опускается.*)

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ.

Комната въ петербургской квартирѣ Кулибинныхъ; съ тѣми же стѣнными часами и фортепяно, которые были въ первомъ отдѣленіи. Прямо и на лѣвой сторонѣ по двери. У аванъ-сцены столъ, съ раскнутыми чертежами, а у правой стѣны, близъ окна, стоитъ деревянная модель моста, объ одной аркѣ, выпинною въ ростъ человѣка.

I.

ЕФИМЬЕВНА (*обметаетъ пыль съ мебели*).

Вотъ ужъ четвертый годокъ, что нашъ Иванъ Петровичъ поселился въ этомъ хваленомъ Питерѣ. Довелось и мнѣ под старость его увидѣть, а подумаешь, что въ немъ особеннаго? Большія хоромы, много народу, да и только. Иванъ Петровичъ не говоритъ, а хоть что прозакладую, онъ стосковался по Нижнему. Насулилъ онъ здѣсь себѣ золотыя горы, а глядишь, чуть-чуть мѣдными денежками пробивается. Ужъ подлинно хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Бросила-бъ я на его мѣстѣ этотъ мостъ, да вернулась поскорѣй во свояси. Ему потѣха, а семьѣ горе. Люди только и знаютъ, что издѣваются. Вишь, говорятъ, пріѣхалъ мудрецъ изъ Нижняго учить питерскихъ. Господа изъ Академіи посматриваютъ на модель, да подтруниваютъ, даже самые сторожа посмѣиваются.

II.

ЕФИМЬЕВНА И ЗЫКИНА

ЗЫКИНА (*въ дверяхъ*).

Можно посмотрѣть модель? Собрались гости, такъ любопытствуютъ видѣть.

ЕФИМЬЕВНА.

Почему же нѣтъ, матушка. Иванъ Петровичъ и всякаго чужаго пушаетъ, а вѣдь вы изъ одного дому. Отъ смотрѣнья ничего не сдѣлается, а я и мѣшать вамъ не стану. Пойду прибираться на кухнѣ. (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

Войдите, можно.

III.

ЗЫКИНА, ЕЛКИНА, ВОХРИНА, СКЛЮЕВА И СТАНКИНА.

ЕЛКИНА.

Такъ вотъ какой : весь деревянный!

ВОХРИНА.

А я полагала, что каменный.

СКЛЮЕВА.

А мнѣ сказывали, будто чугунный.

СТАНКИНА.

И безъ подпорокъ. Да это страшное дѣло! Неужто такъ и самый мостъ будетъ?

ЗЫКИНА.

Точно такъ, какъ есть. Вотъ видите, дорогія гостыюшки, самъ Кулибинъ сказывалъ мнѣ, что вся хитрость и есть въ томъ, что нѣтъ подпорокъ. Настоящій-то будетъ въ 140 сажень длиною, объ одномъ прямомъ сѣздѣ на ту сторону, и объ двухъ боковыхъ на нашъ Васильевскій. Разсчитано, что такой мостъ долженъ поднимать 33,000 пудовъ груза, такъ вотъ Кулибину и велѣно построить, на академическомъ дворѣ, для пробы, такой же фигуры мостъ, только въ десять разъ меньше, на 14 саженьяхъ; потому и грузу долженъ онъ выдержать 3,300 пудовъ, и коли выдержитъ, такъ за настоящіи примутся.

ЕЛКИНА.

И вы, матушка Анна Егоровна, думаете что выдержитъ?

ЗЫКИНА.

Я думаю, что не выдержитъ, и конечно не выдержитъ. Шуточное дѣло 3,300 пудовъ! Да подъ такую тяжестью не только мостъ и самая земля провалится.

ВОХРИНА.

Ну, а коли въ самомъ дѣлѣ не выдержитъ, такъ что-жъ съ мастеромъ?

ЗЫКИНА.

Что съ мастеромъ? само собою разумѣется, что по головкѣ не поглядятъ. Засадятъ молодца въ казенную квартиру, для примѣру другимъ, чтобъ людей даромъ не морочили, да

казны напрасно не разоряли. Вѣдь Кулибину-то выдали на постройку модели тысячу рублей, по волѣ Государыни, а тысяча рублей не бездѣлица!

СКЛЮЕВА.

По дѣломъ вору мука! Ужъ куда нетерплю этихъ фокусниковъ. Да что-жъ, матушка Анна Егоровна, не видно, гдѣ мостъ разводиться будетъ?

ЗЫКИНА.

Въ томъ-то и штука, что не будетъ разводиться.

СКЛЮЕВА.

Стало бытъ и корабли за мостомъ по Невѣ ходить не стануть?

ЗЫКИНА.

Нѣтъ, ходить будутъ по прежнему, да только подъ мостомъ.

СТАВКИНА.

Какъ подъ мостомъ? стало бытъ мостъ-то выше мачтъ будетъ?

ЗЫКИНА.

И конечно. Между имъ и водой будетъ вышины 12 сажень.

ВОХРИНА.

Ахъ, сграсти какія! Страшно и вздумать, что корабельный мачты будутъ ходить подъ ногами. Нѣтъ, что до меня, такъ новому мосту меня на себѣ не видать; я все буду ходить и ѣздить по старому.

ЗЫКИНА.

Да та бѣда, что старый ломають.

ВОХРИНА.

Сломають? Что-бъ у этого мужичишки руки отсохли за его выдумку. По мосту ужъ ни за что не-пойду, а водой отродясь не ѣзживала, да и напредки оборони Господи! Этакъ мнѣ не придется и бывать на Васильевскомъ.

СТАВКИНА.

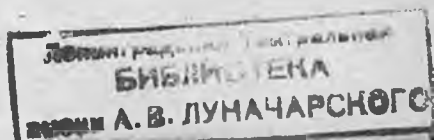
И къ чему подумашь, подымаются люди на такія хитрости? Къ чему мостъ, который не разводится? Стоялъ Петербургъ безъ него отъ созданія міра, и весь вѣкъ еще простоятъ, а то, видишь, все думаютъ какъ бы лучше.

ЗЫКИНА.

Говорятъ, что нужно, а по мнѣ, такъ вовсе не нужно; я

Отд. I.

2

См. № 446. 9799

всего въ круглый годъ разъ пять-шесть на той сторонѣ бываю, а что весною да осенью долго моста не бываетъ, такъ тѣмъ еще и лучше: меньше изъ-за рѣки празднаго народу въ гости приваливаетъ. Знаете, всякіе люди въ гостяхъ бывають, и не всякому гостю радъ.

ЕЛКИНА.

И подлинно такъ. Однако, прощайте, Анна Егоровна, пора убираться домой.

ЗЫКИНА.

Какъ, матушка домой? Вѣдь вы обѣщались сегодня у насъ откушать?

ЕЛКИНА.

Да, а теперь тороплюсь до дому; желаю, что-бъ васъ порѣжъ праздные люди тревожили. (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

Какъ? Что это? Да-вѣдь я... Ну, и слава Богу, что провалила; такая тараторка, что упаси Господи. Видишь, чѣмъ обидѣлась.

ВОХРИНА.

Пора и мнѣ тоже. Простите, Анна Егоровна. Уйду, такъ у васъ еще одной тараторкой меньше будетъ! (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

Какъ? и вы?

СТАНКВИНА.

А какъ я уберусь, такъ и еще одною убудетъ. Прощайте, Анна Егоровна. Хорошо, что проговорились. Силою же милой не будешь. (*Уходитъ.*)

СКАЮЕВА.

Видно и до меня дошла очередь. Будьте здоровы, Анна Егоровна. Не поминайте лихомъ. (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

И она туда же... всѣ ушли! Хороши пріятельницы, да хороша же и я! что теперь про меня говорить стануть? А все проклятый мостъ! Что-бъ тебѣ провалиться! (*Подходитъ къ модели и въ досадѣ стучитъ въ нее кулакомъ. Въ эту минуту входитъ Кулибинъ.*)

IV.

ЗЫКНА и КУЛИВИНЪ.

КУЛИВИНЪ.

Матушка, Анна Егоровна! помилосердуйте! да что вы это? что вамъ сдѣлала моя модель?

ЗЫКНА.

А, вы здѣсь? тѣмъ лучше! Что ваша модель? По милости вашей проклятой модели, я перессорилась съ четырьмя старыми пріятельницами; по милости ея вошла въ напрасный изъяснъ, наготовила лишнихъ блюдъ, а теперь хоть собакамъ выброси. Ну, ужъ вы мнѣ съ вашимъ мостомъ. Да чтобъ его и васъ.... Напредки шагу къ вамъ не сдѣлаю.

КУЛИВИНЪ.

Ваша добрая воля, матушка.

ЗЫКНА (*ворочаясь*).

Ни шагу, слышите вы? ни одного шагу. (*Уходитъ.*)

—

V.

КУЛИВИНЪ (*однѣ*).

Что за оказія? За мою модель перессорилась съ четырьмя пріятельницами? Не понимаю! и опять виноватъ мостъ. Ну ужъ Питеръ, коли не совѣстно бы было предъ здѣшними, да не стыдно передъ земляками, такъ право бы воротился въ Нижній.

—

VI.

КУЛИВИНЪ и НАТАША.

НАТАША.

Здравствуйте дядюшка! Что вы такъ сегодня поздно вернулись? Ушли спозаранку. Да вы что-то не веселы, разстроены?

КУЛИВИНЪ.

Какое веселье, Наташа. Ходилъ на академическій дворъ — тамъ досада за досадою; прихожу домой, сосѣдка-чиновница разбранила меня въ пухъ, да еще чуть, чуть не сломала

модели. А спроси ихъ всѣхъ: изъ за чего? такъ и отвѣчать не стѣмуютъ. Нечего дѣлать, терпи, все авось уладится Ты бы посидѣла здѣсь. Наташа, а я чрезъ какую нибудь четверть часа вернусь. Только снесу чертежъ десятнику: остановилась работа. (*Беретъ со стола одинъ чертежъ и уходитъ.*)

НАТАША.

До свиданія дядюшка! я стану караулить вашу модель. Нѣтъ, это ужъ черезъ чуръ. Мало того, что чиновники издѣваются надъ дядюшкинымъ мостомъ, чиновницы приходятъ сюда ломать модель, а что она имъ сдѣлала? Это уже просто злоба. Какіе есть злые люди.

VII.

НАТАША И ЛЮБИНОВЪ.

ЛЮБИНОВЪ (*останавливаясь у двери*).

Это вы, Наталья Васильевна. Дядюшка вашъ дома?

НАТАША.

Только сію минуту ушелъ. Не знаю, какъ вы его не встрѣтили? Впрочемъ, онъ черезъ четверть часа вернется.

ЛЮБИНОВЪ (*тихо*).

Черезъ четверть часа.... Ахъ, да какъ она хороша! Это первый разъ, что я съ нею наединѣ. Надо воспользоваться. (*Оправляется и подходитъ ближе къ Наташѣ*). Вашъ дядюшка воротится черезъ четверть часа?

НАТАША.

Да-съ. Онъ сказалъ, что чрезъ четверть часа.

ЛЮБИНОВЪ.

Вы, кажется, любуетесь погодой? Время прекрасное.

НАТАША.

Да-съ, погода стоитъ какъ нельзя лучше.

ЛЮБИНОВЪ.

А я виноватъ передъ вами, Наталья Васильевна. Не спросилъ про ваше здоровье. Ужъ не страдаете болѣе зубною болью?

НАТАША.

Мои зубы? Развѣ вы знаете, что они болѣли?

ЛЮБИНОВЪ.

Какъ же, Наталья Васильевна! я встрѣтилъ васъ одинъ день

и вы были подвязаны бѣлымъ платочкомъ. Я тотчасъ догадался, что у васъ болятъ зубы.

БАТАША.

Какъ вы внимательны.

ЛЮБИНОВЪ.

Я внимателенъ? Наталья Васильевна! да могу-ли я быть къ вамъ невнимателенъ? Я могу сказать безъ ошибки: въ какой день какое на васъ было платье, какой платочекъ. Не забуду я никогда того дня, какъ увидѣлъ васъ въ первый разъ, на гуляньи въ Лѣтнемъ саду. Вы почти и не обратили на меня вниманія, а я... съ той минуты душа моя не знала покоя... я думалъ только объ васъ, видѣлъ только васъ....

БАТАША.

Перестаньте, пожалуйста. Развѣ вы только за тѣмъ пожаловали къ намъ, чтобы смѣяться надо мною? На этихъ гуляньяхъ было много красавицъ.

ЛЮБИНОВЪ.

Много! можетъ быть. Но ни одна изъ нихъ не говорила моему сердцу. Да, Наталья Васильевна! я чувствую, что только одиъ вы можете составить счастье моей жизни; я порывался уже не разъ открыть мои чувства передъ вашимъ дядюшкою, просить у него руки вашей; но могу-ли я рѣшиться на это, не зная, смѣю-ли имѣть надежду на взаимность? Одно ваше слово, одно только слово, и я.... (*Въ это время слышенъ изъ-за кулисъ голосъ Ульяны.*)

Наташа! Наташа!

БАТАША.

Сейчасъ, сейчасъ, тетушка! Извините, Александръ Осиповичъ. (*Убѣгаетъ въ другую комнату.*)

ЛЮБИНОВЪ (*однѣ*).

Она ушла и я опять ни причемъ.

VIII.

ЛЮБИНОВЪ и КУЛИБИНЪ.

КУЛИБИНЪ.

А! батюшка Александръ Осипычъ, вы опять пожаловали. Милости просимъ. Такому разумному гостю мы всегда рады. Вѣрно опять для модели? Видно она крѣпко васъ зани-

маеть? Благодаримъ за это. Кабы да всѣ думали по вашему....

ЛЮБИНОВЪ.

Да-съ, я для модели.... точно для модели.... я какъ-то ужъ давно не видалъ ее.

КУЛБЕВЪ

Какъ давно? Да вы еще вчера у насъ были.

ЛЮБИНОВЪ.

Да, вчера, это правда. Но въ разговорахъ о томъ, о семь, я какъ-то не разсмотрѣлъ ее хорошенько.... А вѣдь правду сказать она прекрасна, она очень мнѣ нравится, я полюбилъ ее всѣмъ сердцемъ и никогда бы не желалъ съ нею разстаться.

КУЛБЕВЪ.

Слишкомъ много чести, Александръ Осипычъ, я право радъ, что въ Питерѣ нашелся человѣкъ, съ такою любовью къ наукамъ и искусствамъ.

ЛЮБИНОВЪ

О! я всегда любилъ, люблю и буду любить все изящное! Однако, Иванъ Петровичъ, я совсѣмъ забылъ спросить, какъ идетъ ваше дѣло? кончились-ли всѣ ваши непріятности?

КУЛБЕВЪ.

Кончились-ли онѣ? Нѣтъ, Александръ Осипычъ, онѣ, кажется, что день, то увеличиваются. Не скрою отъ васъ, что иногда очень горько приходится мнѣ; бываютъ минуты, что готовъ, закрывъ глаза и зажавъ уши, бѣжать безъ оглядки, далеко отъ людей, а потомъ, какъ пройдетъ первая досада, то опять оживаешь надеждою и на сердцѣ какъ-то становится веселѣе. Скажу вамъ еще болѣе, что можетъ быть, я давно бы уже все бросилъ, давно бы совсѣмъ упалъ духомъ, если бъ не поддерживалъ меня своими совѣтами и утѣшеніями, этотъ умный, добрый господинъ, о которомъ помнится, я вамъ уже сказывалъ.

ЛЮБИНОВЪ.

Тотъ, который раза два посѣщалъ васъ и о которомъ вы даже не знаете, кто онъ таковъ?

КУЛБЕВЪ.

Да, тотъ самый. Какъ ни бился я узнать его званіе, чинъ, фамилію, даже имя, отечество, онъ всегда твердилъ одно: какая тебѣ будетъ польза, если ты это узнаешь? называй меня просто добрымъ человѣкомъ, или какъ тамъ хочешь.

Всякій разъ самымъ внимательнымъ образомъ разсматриваетъ онъ мои чертежи и эту модель. Право, родиться бы ему большимъ бариномъ, знатнымъ вельможею; а впрочемъ, у него есть и замашка большаго барина. По примѣру нашего свѣтлѣйшаго, онъ прихотничаетъ до нельзя. Какъ-то разъ далъ онъ мнѣ цѣлый кошелекъ съ золотыми и попросилъ кувить ананасъ: скушалъ ломтикъ и потомъ запилъ квасомъ. Въ другой разъ, опять далъ онъ деньги, чтобы послать ему за виноградомъ и покушавъ его, потребовалъ соленой осетрины! На сихъ дняхъ обѣщался онъ быть опять.

ЛЮБИВОВЪ.

Очень жалѣю, что я ни разу не встрѣтился у васъ съ этимъ неизвѣстнымъ, добрымъ, какъ вы называете, господиномъ. Хотя онъ и не можетъ быть знатнымъ бариномъ, потому, что знатный баринъ не спустится съ высоты своихъ чертоговъ въ нижній этажъ скромнаго жилища престолюдина, — а все-таки, рассказываемое вами о немъ дѣлаетъ честь его сердцу и воспитанію. (*Всторону.*) Однако, благо есть случай, попытаюсь заговорить издалека. (*Обращаясь къ Кулибину*) Позвольте спросить васъ, Иванъ Петровичъ, вы были молоды? то-есть, я хочу сказать, по-моложе тепершняго?

КУЛИБИНЪ.

Я? былъ-ли я молодъ и по-моложе тепершняго? да развѣ есть человѣкъ, который бы родился прямо старикомъ?

ЛЮБИВОВЪ.

Конечно, но... я не такъ выразилъ мои мысли... я хотѣлъ спросить... я хотѣлъ сказать... что бишь я хотѣлъ сказать?

КУЛИБИНЪ.

Осмѣлюсь замѣтить, что вы сегодня что-то больно разсѣяны, Александръ Осипычъ! нѣтъ-ли ужъ у васъ чего на сердцѣ?

ЛЮБИВОВЪ.

Нѣтъ, особеннаго ничего, а такъ... знаете, человѣкъ не всегда одинаковъ... иногда... (*смотритъ на часы*). Однако довольно поздно, товарищи мои давно всѣ въ должности... пора и мнѣ. До свиданія, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ; вы вѣрно позволите мнѣ опять завернуть къ вамъ, насладиться вашею пріятною, умною бесѣдою?

КУЛИБИНЪ.

Оставьте похвалы, Александръ Осипычъ, мы люди про-

стые, говоримъ, какъ умѣемъ, въ учености не заносимся, а вамъ всегда, во всякое время ради.

КУЛИБИНЪ (одинъ).

Славный человекъ! Умень, какъ книга, да жаль, что подчасъ бываетъ разсѣянъ. Видно, что и у него есть болѣзни подражать знатнымъ. (Любиновъ уходитъ).

IX.

КУЛИБИНЪ и ШПРИХВОРТЪ.

ШПРИХВОРТЪ.

Здравствуйте, любезнѣйшій г. Кулибинъ! мое вамъ низжайшее почтеніе. Все-ли вы въ добромъ здоровьи?

КУЛИБИНЪ.

Слава Богу, Готлибъ Карловичъ, живемъ помаленьку, какъ Господь милуетъ.

ШПРИХВОРТЪ.

И слава Богу. А что, ваши лѣлишки? ваша большая модель невскаго моста?

КУЛИБИНЪ.

Такъ себѣ, ничего, подвигается мало-по-малу.

ШПРИХВОРТЪ.

Мало-по-малу! Да, я и самъ вижу, что по-малу. А что, г. Кулибинъ, у васъ кажется очень много хлопотъ и горя съ этой моделью? Я только удивляюсь вашему терпѣнію.

КУЛИБИНЪ.

Не безъ того, Готлибъ Карловичъ! да вѣдь какъ и прожить вѣкъ безъ хлопотъ, горя и терпѣнія. Такъ ужъ намъ всемъ на роду написано.

ШПРИХВОРТЪ.

Оно такъ, а все лучше, когда ихъ меньше. Знаете-ли что: я бы на вашемъ мѣстѣ всѣхъ этихъ штукъ не сталъ затѣвать. На такіе прожекты есть здѣсь ученые люди, есть цѣлая Академія. Не отнимаю у васъ ума, сохрани Богъ! а только думаю, что для такого дѣла, какъ построеніе постояннаго моста черезъ Неву, нужно заблаговременно приготовить себя. Вы сдѣлали превосходные часы, которымъ всѣ удивляются, это правда; но сами вы разсудите, вѣдь часы не мостъ! часовыхъ мастеровъ много, а еще никто не

придумалъ строить мостъ объ одной аркѣ на сорока саженьяхъ.

КУЛИБИНЪ.

Осмѣлюсь сказать, Готлибъ Карловичъ, что вы очень добрый, очень ученый и почтенный человекъ, а и у васъ есть та же склонность, что у всѣхъ господъ нѣмцевъ: не имѣть довѣрія къ свѣдѣніямъ и опытности русскаго человека.

ШПРИХВОРТЪ.

Ошибаетесь г. Кулибинъ, и ошибаетесь, во-первыхъ, ужъ потому, что считаете меня нѣмцемъ. У васъ русскихъ, есть очень дурная привычка называть нѣмцами всѣхъ говорящихъ по-нѣмецки, безъ разбора. Это совершенно несправедливо. Портной, сапожникъ, булочникъ, всякій нѣмецъ, который работаетъ руками, есть простой нѣмецъ, а нашъ братъ ученый, который трудится головою, умомъ, разсудкомъ, и который, какъ я, выѣхалъ изъ Саксоніи, есть германецъ. Да, милостивый государь, нѣмецъ и германецъ суть двѣ вещи между собою очень различныя.

КУЛИБИНЪ.

Извините, батюшка Готлибъ Карловичъ, а я такъ, право, думалъ, что все равно. Теперь буду знать, что вы не нѣмецъ, а германецъ.

ШПРИХВОРТЪ.

Да и какой еще.... древній германецъ!...

КУЛИБИНЪ.

Коли на то ужъ пошло, такъ позвольте и мнѣ похвалиться давностью рода! Онъ идетъ прямо отъ нашего праотца Адама.

ШПРИХВОРТЪ.

Отъ Адама? да что тутъ за важность? Знаете-ли, г. Кулибинъ, что въ тѣ времена не было ни ученыхъ, ни дворянъ, ни чиновниковъ, — этимъ родствомъ вы не много выиграли.

КУЛИБИНЪ.

Ученому и книги въ руки. Ну, вѣдь вы, Готлибъ Карловичъ, не больно жалуете нашу русскую братью.

ШПРИХВОРТЪ.

Напротивъ, я очень люблю русскихъ, давно живу между русскими и выдалъ покойную сестру мою за русскаго дворянина—очень богатаго;—а все дѣло въ томъ, г. Кулибинъ, что вамъ, то-есть, господамъ русскимъ, надо брать на себя труды по силамъ. Вотъ, гдѣ нужно постоять грудью, да при-

стукнуть кулакомъ, это ваше дѣло, и съ этимъ вы далеко уйдете, а гдѣ работа ума, тамъ предоставьте дѣйствовать намъ, иностранцамъ.

КУЛИБИНЪ.

Развѣ мы не имѣемъ своихъ ученыхъ, которыхъ имена громки не въ одной Россіи? Возьмемъ для примѣра Ломоносова: сынъ простаго рыбака....

ШПРИХВОРТЪ.

Ломоносова! Ломоносова! У васъ, господа, только и слова, что про господина Ломоносова. А знаете-ли вы, что онъ былъ больше германецъ, нежели русскій, потому, что всѣмъ своимъ образованіемъ обязанъ Германіи. У него ничего не было русскаго, кромѣ рожденья и имени. Имени.... нѣтъ, постойте, я и этого вамъ не подарю.... Да, да, г. Кулибинъ! Ха, ха, ха! Да, вотъ что значитъ съ молодыхъ лѣтъ посвящать себя ученымъ занятіямъ. Я вамъ докажу, какъ два раза два четыре, что и самая фамилія господина Ломоносова не русская.

КУЛИБИНЪ.

Какъ! Ломоносовъ не русская фамилія? Да послѣ этого....

ШПРИХВОРТЪ.

Именно не русская. Вотъ, видите, дѣло очень простое. Одинъ изъ предковъ господина Ломоносова былъ или германецъ, по фамиліи Лемназе (Lehnase), или грекъ съ острова Лемноса. Участвуя въ какой-нибудь морской экспедиціи на сѣверъ, онъ былъ заброшенъ бурей на берега Двины и поселился въ Холмогорахъ; а вы, господа русскіе, по привычкѣ переименовать чужестранныя имена, изъ Лемназе, или Лемнось, сдѣлали Ломонось, да прибавили свой обычный *овъ*.... Это очень, очень близко и вѣроятно. Вотъ что значитъ наука! А? что вы на это скажете?

КУЛИБИНЪ.

Да, послѣ этого, пожалуй, вы и меня, нижегородца Кулибина, изволите также записать въ чужестранцы?

ШПРИХВОРТЪ.

Разумѣется, вы вѣрно и не подозреваете, что ваша фамилія нѣмецкая, чистая нѣмецкая!

КУЛИБИНЪ.

Моя? это ужъ что-то очень мудрено, Готлибъ Карловичъ!

ШПРИХВОРТЪ.

А по-моему, очень просто. Вотъ видите: окончаніе вашей

фамиліи: *бинъ*, есть ничто иное, какъ первое лице изъявительнаго наклоненія вспомогательнаго глагола *sein*, быть. Вы вѣрно слышали, какъ говорятъ: их-бинъ... предокъ вашъ безпремѣнно былъ какой-нибудь Ливонецъ, захваченный на войнѣ новгородцами въ плѣнъ и переселенный потомъ въ Нижній Новгородъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ назывался Кольбинъ (*Kohlbin*): а вы, господа русскіе, перекрестили его въ Кулибинъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣрно, что такъ-какъ отецъ вашъ, дѣдъ, и, можетъ-быть пра-дѣдъ торговали мукою, слѣдовательно имѣли у себя съ мукою кули, то вмѣсто Кольбины и прозвали ихъ Кули-бинъ. А что? Каково? Вы этого вѣрно никакъ не думали, г. Кулибинъ? Пожалуйста, только не сердитесь не меня, что я вамъ русскаго не оставляю.

КУЛИБИНЪ.

Вотъ-те и разъ! Пришлось и мнѣ попасть въ нѣмцы! Жаль, что я не зналъ этого давеча, когда у насъ былъ Александръ Осипычъ, я бы спросилъ его, неужто и онъ меня нѣмцемъ считаетъ?

ШПРИХВОРТЪ.

Александръ Осипычъ? Мой племянникъ? Да что ему здѣсь дѣлать? что за бѣготня въ гости, когда надо сидѣть у должности? Знаете-ли, г. Кулибинъ, что мнѣ крѣпко не нравятся эти частые визиты, которые вамъ дѣлаетъ мой племянникъ. Я очень смѣтливъ и дальновидѣнъ и давно уже замѣтилъ, что ему нравится ваша племянница, да изъ этого ничего не выйдетъ. Мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты, чтобы въ моей фамиліи торчала русская борода. Извините, г. Кулибинъ, я выразился немцожко круто, но я человекъ, какъ вотъ эта моя палка, то-есть, такой-же прямой. У васъ есть очень хорошая русская пословица: всякой сверчокъ знай свой шестокъ. А вы ужъ слишкомъ высоко забираетесь, г. механикъ!

КУЛИБИНЪ.

Напрасно изволите сердиться, Готлибъ Карловичъ! Племяннику вашему мы всегда ради, но ходить къ намъ его не припеволиваемъ; что-же до моей племянницы, то я въ первый разъ отъ васъ слышу; а что касается до русской бороды, то она безчестья собою не приноситъ!

ШПРИХВОРТЪ.

Да п чести много не дѣлаетъ. Иначе, вашъ же великій

императоръ Петръ - Первый не обрѣлъ бы ее у своей націи.

КУЛИБИНЪ.

На то была его царская воля, Готлибъ Карловичъ. За то много было у насъ и вельможъ съ бородами, а это все-таки не мѣшало имъ пользоваться общимъ уваженіемъ и оставить по себѣ славныя имена въ исторіи.

ШПРИХВОРТЪ.

Aliud tempus, alii mores, иное время, иные нравы, г. Кулибинъ. Впрочемъ, разсуждайте себѣ, какъ хотите, а племянника моего въ роднѣ своей вамъ не видать, какъ ушей своихъ безъ зеркала.

Х.

ТЪ ЖЕ И ЛЮБИНОВЪ.

ШПРИХВОРТЪ (*увидѣвъ Любинова*).

А! ты опять здѣсь! Что тебѣ здѣсь надобно?

ЛЮБИНОВЪ.

Мнѣ?... такъ... ничего, дядюшка... Я пришелъ посмотрѣть на мостъ.

ШПРИХВОРТЪ.

На мостъ?... Нѣтъ, племянничекъ, я не такъ простъ. Этотъ мостъ ты уже сто разъ видѣлъ, а я очень хорошо знаю, зачѣмъ ты сюда ходишь. Да этому не бывать! пока я живъ, этому не бывать!

ЛЮБИНОВЪ.

Но дядюшка....

ШПРИХВОРТЪ.

Но племянничекъ!... Я очень давно знаю, что я твой дядюшка. Я это зналъ гораздо прежде, нежели ты былъ на свѣтѣ. У господъ русскихъ есть очень хорошая пословица: стараго воробья не обманешь! Я старый воробей. — Да вы премудрый человѣкъ, г. Кулибинъ. Въ одно и то же время строите два моста: одинъ для коммуникаціи города съ Васильевскимъ островомъ, а другой для коммуникаціи моего племянника съ вашей племянницей. Прекрасно!

КУЛИБИНЪ.

Вы меня ужъ обижаете, Готлибъ Карловичъ. Пусть, по

вашему, я не стою ни чьего вниманія, потому что ношу бороду, но я никогда не былъ безчестнымъ человѣкомъ и дорожу моею честію. Грѣшно клеветать на безвишнаго.

ЛЮБИНОВЪ.

Дядюшка! вы напрасно обижаете Ивана Петровича. Я самъ...

ШПРЕХВОРТЪ.

Не ваше дѣло, г. племянникъ. Я знаю, что говорю и дѣлаю. У васъ есть очень хорошая русская пословица: Яйца курицу не учатъ! — и я хоть не курица, но не хочу, чтобы вы меня учили. Извольте уйти вонъ, я вамъ приказываю! Я буду жаловаться вашему г-ну директору.

—

ХІ.

ТЪ ЖЕ УЛЬЯНА И НАТАША.

ШПРЕХВОРТЪ.

Хорошо, что и вы пожаловали. Стыдно вамъ, мадамъ Кулибинъ, заманивать молодыхъ людей въ свой домъ, да протезировать ихъ любовнымъ затѣямъ. Да и вы, мамзель, не знаю, какъ ваша фамилія, гораздо-бы лучше сдѣлали, если-бы стали ловить на удочку сердце какого-нибудь бородача, чѣмъ молодаго человѣка, и притомъ дворянина. Я все знаю, знаю и то, что вамъ непріятно меня слушать, да дѣлать нечего. Честный германскій ученый не умѣетъ воздерживаться отъ гнѣва, когда его, по вашему русскому выраженію, берутъ за живое!

УЛЬЯНА.

Да помилуйте, Готлибъ Карловичъ, что все это значить? Какая я мадамъ? Я Ульяна Егорова дочь, по мужу Кулибина, и не заслужила такой напраслины, чтобы меня называли мадамой; да и племянница мужнина совсѣмъ не мамзель, а честная, хотя бѣдная дѣвушка. Бѣдность не порокъ, Готлибъ Карловичъ, и грѣхъ вамъ такъ обижать насъ по-напрасну.

ШПРЕХВОРТЪ.

Онъ же еще правы! Ужъ не кланяться-ли вамъ, да просить извиненія? Нѣтъ, господинъ и госпожа Кулибины, скорѣе я не буду живъ, нежели допущу, чтобы родной сынъ

моей родной сестры женился на вашей племянницѣ. Этому не бывать, никогда не бывать.

УЛЬЯНА.

Да помилуйте, объ этомъ у насъ никогда и рѣчи не было! Хаживалъ къ намъ Александръ Осипычъ, да всегда бесѣдовалъ только про умное и разумное, да спрашивалъ про мость.

ШПРИХВОРТЪ.

Да, мость! Знаемъ мы этотъ мость. Вотъ видпте, г. Кулибинъ, я совѣтовалъ вамъ, какъ-бишь по-вашему, русскому.... об.... нам.... да, вспомнилъ: обвиняками и намеками, чтобы вы оставили Петербургъ и уѣхали назадъ въ вашъ Нижній. Это нужно для счастья моего племянника, для спокойствія моего, для спокойствія Академіи и для спокойствія всего околотка, которому нѣтъ покоя отъ безпрестанной стукотни и возни на вашей пустой, вздорной, несбыточной модели. Теперь совѣтую вамъ, безъ церемоніи, убираться отсюда, какъ вы, господарусскіе выражаетесь, по добру, по здорову, а то, право, наживете много хлопотъ и бѣды. Я знаю, что вамъ можетъ быть не съ чѣмъ подняться въ дорогу, но я покажу вамъ, что я человѣкъ не злой: я заплачу за вашу дорогу.

КУЛИБИНЪ.

Благодаримъ покорно, Готлибъ Карловичъ. Когда дойдетъ до того, то при Божіей помощи, доплетемся и за свои гроши, а пока не дострою модели, не тронусь ногой изъ Питера. Сама Государыня защититъ меня!

ШПРИХВОРТЪ.

Государыня? Ахъ, какъ вы счастливы, г. Кулибинъ, что во всякую минуту можете утруждать государыню! Ей только и заботы что о васъ, да о вашей модели.

ЛЮБИВОВЪ.

Дядюшка! вы ужъ слишкомъ разсердились. Вы напрасно такъ обижаете это почтенное семейство.

ШПРИХВОРТЪ.

Почтенное семейство! Почтенное семейство! Да развѣ я самъ не почтенное семейство? Развѣ учитель Академической Гимназіи хуже человѣка, который въ Нижнемъ-Новгородѣ торговалъ мукой, а здѣсь морочить всѣхъ своимъ смѣшнымъ прожекторомъ? Я сержусь, я хочу сердиться, я буду сердиться, я смѣю сердиться! Не извольте учить меня, г. племянникъ.

А вы, г. ученый, никакъ не хотите отстать отъ своего моста?

КУЛИБИНЪ.

Никакъ, Готлибъ Карловичъ.

ШПРЕХВОРТЪ.

Пойдемъ же, г. племянникъ. Запрещаю вамъ строго, па-
нстрожайше, заглядывать въ этотъ домъ; а вамъ г. механикъ-
самоучка, предсказываю, что при первомъ опытѣ надъ
вашею моделью она обрушится.

КУЛИБИНЪ (*клянется*).

Богъ милостивъ, Готлибъ Карловичъ.

ШПРЕХВОРТЪ.

И вы обрушитесь вмѣстѣ съ нею..

КУЛИБИНЪ.

Богъ милостивъ.

ШПРЕХВОРТЪ (*уходит*).

Безпремѣнно обрушитесь!

ХІІ.

КУЛИБИНЪ, НАТАША И УЛЬЯНА

УЛЬЯНА.

Вотъ, родимый, день отъ дня не легче. Теперь ужъ до-
брались и до меня съ Наташей. Я мадамъ, а она мамзель!
Просимъ покорно подумать, до какого стыда мы здѣсь до-
жили! Богъ тебѣ судья, Иванъ Петровичъ, что ты твоимъ
упрямствомъ довелъ насъ до такой обиды.

НАТАША.

Не сердитесь, тетушка! онъ вѣрно былъ огорченъ чѣмъ-
нибудь другимъ, а мы первыя подвернулись подъ его гнѣвъ.
Я знаю, что онъ человекъ вспыльчивый, но добрый. Оби-
дять, а потомъ и самимъ жаль.

УЛЬЯНА.

Пусть такъ; да съ чего онъ взялъ, будто мы навязываемъ
тебя въ невѣсты Александру Осипычу и какъ могъ онъ
выбрать меня мадамой?

КУЛИБИНЪ.

Успокойся матушка, это не бранное слово, а по иностран-
ному то же, что по нашему госпожа.

УЛЬЯНА.

Да не хочу я быть иностранною! Самъ онъ иностранецъ! Такъ ты, мой родной, видно ужъ никакъ не хочешь оставить Питера?

КУЛИБИНЪ.

Никакъ. По-крайней-мѣрѣ, пока не окончу модели.

УЛЬЯНА.

А тамъ что?

КУЛИБИНЪ.

А тамъ... что Богъ дастъ.

УЛЬЯНА.

Охъ! ужъ эта миѣ ученость. Грѣхъ да и только! Помни-жь, родной, что завтра срокъ за фартеру. (*Уходятъ вмѣстѣ съ Наташей.*)

КУЛИБИНЪ (*одичь*).

Часъ отъ часу не легче! Чѣмъ все это кончится?... Авось дастъ Богъ и терпѣнія достанетъ! Кто-то входитъ! Ахъ, это мой добрый неизвѣстный господинъ! Посѣщеніе его очень кстати.... Кромѣ его, никто не утѣшитъ, не ободритъ меня!

ХІІІ.

КУЛИБИНЪ И НЕИЗВѢСТНЫЙ.

КУЛИБИНЪ (*клопясь*).

Нижайшее почтеніе, добрый мой господинъ! Я имѣлъ какое-то предчувствіе, что вы скоро пожалуете.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*подавая Кулибину руку*).

Въ самомъ дѣлѣ? Здоровъ-ли ты, Иванъ Петровичъ? какъ идутъ твои дѣла?

КУЛИБИНЪ.

Здоровьемъ Богъ милуетъ, а дѣла все по старому: что день, то досадъ прибавляется. Жена только и твердитъ: оставь Питеръ, да поѣзжай назадъ въ Нижній. Теперь только передъ вами, учитель Академической Гимназіи, Готлибъ Карловичъ, разбралилъ меня и мою семью, за то, что будто бы мы заманиваемъ къ себѣ его племянника, въ женихи нашей племянницѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ

— Наташѣ? Что-жъ? Если хорошій женихъ, такъ и съ Богомъ. А кто этотъ племянникъ?

КУЛИБИНЪ.

Александръ Осипычъ, по фамилии Любиновъ, молодой чиновникъ, не знаю, гдѣ служить; человекъ хорошій, честный, умный, ну словно, какъ вы.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Благодарю за честь, Иванъ Петровичъ. Я вижу, что и ты выучился комплиентамъ. Вотъ, что значить пожить въ столицѣ! Ну, а коли этотъ молодой человекъ точно таковъ, какъ ты о немъ говоришь, такъ по моему нечего и думать: по рукамъ да и подъ вѣнецъ.

КУЛИБИНЪ.

Подъ вѣнецъ? Вотъ то-то батюшка, милостивый господинъ, что у насъ про это не только рѣчи, но и помышленія не бывало, а Господь вѣдаетъ, съ чего взялъ дядя? Отдѣлалъ насъ такъ, что хоть здѣшнему помощнику квартиръ-маіора, впору.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Помощнику квартиръ-маіора? А развѣ ты и отъ него терпишь?

КУЛИБИНЪ.

Да какъ же безъ того, батюшка! Однако-жъ, какой я невѣжа: разболтался да и не пригласилъ дорогаго гостя присѣсть. (*Придвигаетъ стулъ къ краю стола.*) Не изволите-ли, батюшка?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Спасибо; я не усталъ. Ты говорилъ что-то о помощникѣ квартиръ-маіора?

КУЛИБИНЪ.

Да, сударь! вѣрно мнѣ, какъ вамъ извѣстно, по волѣ матушки - царицы, строить на академическомъ дворѣ модель моего моста, и выдана на то тысяча рублей. Плата работникамъ идетъ поденная, они и принимаются за дѣло, какъ водится, съ позаранку, а иные обыватели жалуются, что Кулибинъ-де мѣшаетъ имъ спать. Не проходитъ недѣли, чтобы господинъ помощникъ не являлся къ мосту съ крикомъ да бранью.... Я-де когда-нибудь его сломаю!... да и

со мной-то говорить не иначе, какъ: «Эй ты! борода!» Сами разсудите, легко-ли переносить это? И что бы этому господину сказать прося: «послушай, братецъ, не можешь-ли начинать по позже работы? господа просятъ» — А то нѣтъ. Я говорю ему учтиво, что работаю съ дозволенія начальства, а онъ отвѣчаетъ: «Я тебѣ покажу начальство. Никого знать не хочу! Пріѣзжай себѣ хоть самъ свѣтлѣйшій». Свѣтлѣйшій! шуточное дѣло! за глазами языкъ что хочетъ мелеть, а какъ дошло-бы до дѣла, такъ я думаю, свѣтлѣйшій-то раздавилъ бы его сизаго голубчика, словно муху какую или таракана. Неправда-ли, батюшка?

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*въ разстѣланіи*).

Можетъ статья... Что-бишь хотѣлъ я сказать... Да; не можешь-ли ты, Иванъ Петровичъ, сослужить мнѣ службу: я только что позавтракалъ икрою да шинкованной капустой, такъ хотѣлось-бы закусить чѣмъ нибудь послаще! — Нѣтъ-ли здѣсь по близости персиковъ?

КУЛЯБИНЪ.

Извольте, батюшка! достать можно. Близехонько отсель живетъ садовникъ съ Аптекарскаго. У него есть, — сейчасъ пошло. (*Уходитъ въ другую комнату.*)

XIV.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, подлодя къ модели разсматриваетъ ее. КУРАЦАПЪ, не видя его входитъ съ шляпою на головѣ и палкой въ рукѣ.

КУРАЦАПЪ.

Ужъ я его проучу! Я дамъ ему знать! Эй, ты, борода! гдѣ ты тамъ?

КУЛЯБИНЪ. (*Возвращаясь*).

Что вамъ угодно, Меркулъ Оедулычъ?

КУРАЦАПЪ.

Что угодно? угодно то, слышишь-ли борода! угодно, чтобы ты пересталъ спозаранку стучать надъ твоею моделишкою. Бригадирша изъ Коллегій опять присылала. Она только въ постелю, а ты за топоры. Чтобъ этого впередъ не было. Начинай работу, когда люди идутъ къ должности.

КУЛИБИНЪ.

— Да этакъ, Меркулъ Оедульчъ, я и въ десять лѣтъ модели не выстрою и не только тысячи, пяти тысячъ на уплату рабочимъ не хватитъ.

КУРОЦАПЪ.

Безъ разсужденія. Бригадирша такъ хочетъ. Какое ей дѣло до твоего моста. Она барыня знатная, а ты что? А! клавикорды! Ахъ, ты клавикорщикъ! Повѣсилъ бы у себя балалайку, да бренчалъ-бы себѣ на ней селезня, либо «Чѣмъ тебя я огорчила»; а то видишь, тоже за господами тянется. Клавикорды! (*Ефимовна вноситъ персики, ставитъ ихъ на столъ и уходитъ*). Это что еще? Персики! Ахъ, ты лакомая губка! что бы ѣсть огурцы съ солью, либо рѣпу, морковь, а то, просимъ посмотрѣть: персики, да еще и какіе крупные! Вѣрно хороши (*беретъ одинъ персикъ и начинаетъ ѣсть*). Чистый сахаръ!

КУЛИБИНЪ.

— Позвольте васъ просить не кушать этихъ персиковъ; они для гостя и на его деньги.

КУРОЦАПЪ.

Что? для гостя? Велика птица должна быть этотъ гость! Какойнибудь землякъ съ хлѣбной барки, либо съ толкучаго.... (*Нечаянно взглядываетъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ неизвѣстный и приходитъ въ ужасъ*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что вы такъ встревожились? Продолжайте, кушайте на здоровье. Прошу васъ покорно быть моимъ гостемъ.

КУРОЦАПЪ.

Ваше.... Ваша.... виноватъ.... не зналъ.... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Продолжайте, прошу васъ. Конфузиться не для кого. Я точно землякъ хозяина и тоже съ двора, хотя и не толкучаго.

КУРОЦАПЪ

Виноватъ.... не погубите.... Ваша....

КУЛИБИНЪ (*тихо*).

Да что это съ нимъ? Видно онъ принялъ этого барина за знатнаго господина. Тѣмъ лучше.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Иванъ Петровичъ! да подчуй же дорогаго гостя. Пригласи его сѣсть, мы посидимъ вмѣстѣ. Его благородіе будетъ

кушать, а я буду смотрѣть.... кушайте же господинъ.... какъ-бишь васъ величаютъ.

КУРОЦАПЪ (*садясь къ столу*)

Меркуль Оедуловъ сыпъ, Куроцапъ.... Ва.... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*садясь*).

Меркуль Оедулычъ Куроцапъ! Славное имя! Ну, Меркуль Оедулычъ, г-нъ Куроцапъ, смѣю я васъ просить, чтобъ вы продолжали? Не обижайте отказомъ, да не безпокойтесь снимать шляпу. Она вамъ такъ къ лицу.

КУД БЕНЪ.

Экъ онъ оторопѣлъ! Словно ошибся. (*Куроцапу*). 'Не церемоньтесь, ваше благородіе; господинъ этотъ баринъ добрый и отъ души васъ подчуетъ.... сейчасъ я отберу вамъ персики, которые получше.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*тихо Куроцапу*).

Слушай ты: если ты только осмѣлишься подать теперь видъ, или послѣ сказать хозяину, кто я.... то я тебя... понимаешь-ли?

КУРОЦАПЪ.

Понимаю.... очевь понимаю. Ваша.... кругомъ виновать. Не погубите: служба, жена, дѣти.... Ей-ей, не хотѣлъ обидѣть, а такъ съ проста, по привычкѣ....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

По привычкѣ! Хороша привычка! Помпи-же, ни видомъ, ни словомъ!

КУЛБВИНЪ (*поднося тарелку къ Куроцапу*).

Вотъ, батюшка, съ этой стороны лучшіе фрукты.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Зачѣмъ же выбирать, Иванъ Петровичъ. Г. Куроцапъ все скушаетъ, не обидитъ хозяина.... Кушайте же, г. Куроцапъ!

КУРОЦАПЪ (*съѣвъ нѣсколько персиковъ*).

Простите.... не могу больше.... сытъ.... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Продолжайте, прошу васъ. Вы меня обидите, если не скушаете всѣхъ, до послѣдняго.

КУЛБВИНЪ (*въ сторону*).

Экъ онъ его подчуетъ! Ну, видно нашла коса на камень. (*Куроцапу*). Не извольте церемониться, потѣшьте добраго господина.

КУРОЦАПЪ (сѣвъ еще).

Не могу, ей, ей, не могу больше.... не могу.... позвольте.... будьте милосердны!... позволите въ кармапъ взять!... Послѣ доѣмъ, ей-Богу доѣмъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Такъ и быть! Возьмите остальные съ собору. Вы, кажется, сказали, что женаты?

КУРОЦАПЪ.

Грѣшенъ.... женатъ....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И, кажется, имѣете дѣтей?

КУРОЦАПЪ.

Виновать! есть четверо....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, такъ снесите имъ. Это лакомство вѣрно имъ не въ привычку?

КУРОЦАПЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Точно такъ.... Исправлюсь!... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Иванъ Петровичъ! что-же ты не помогаешь мнѣ уговорить гостя? Онъ такой скромный и церемонный. Положи ему самъ въ карманы.

КУЛИБИНЪ (накладывая персики въ карманы Куроцапу).

Безъ вины виновать! И не догадался. Пусть кушаютъ себѣ во здравіе.

КУРОЦАПЪ.

Прощенья просимъ.... виновать.... не погубите, Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Прощайте, г. Куроцапъ! да не забываете насъ и на предки. Я готовъ васъ опять поподчивать.

(Куроцапъ уходитъ кланяясь до самой двери такъ, чтобы не стать спиною къ неизвѣстному, и выходя въ дверь, спотыкается о порогъ).

КУЛИБИНЪ.

Ну, ужъ посмѣялся я до-сыта. Экъ, какъ его скорчило! Хотѣлъ бы я знать, за кого онъ васъ принялъ? Вотъ, что значить только походить на кого-нибудь изъ вельможей! Ка-

ково-же самому быть вельможею? Ужъ куда-бы миѣ хотѣлось видѣть этого благопріятеля передъ его свѣтлостью! Я думаю, его бы не только въ три, въ четыре погибели согнуло!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Почему знать? можетъ быть еще и придется увидѣть. Кстати, о свѣтлѣйшемъ князѣ. Ты, Иванъ Петровичъ, терпишь столько горя и непріяностей, жалуешься, что не имѣешь покровителей, попытался-бы добратся до князя.

КУЛИБИНЪ.

До князя? Нѣтъ, батюшка, долга пѣсня. До него, да до инаго другаго вельможи труднѣе добиться, чѣмъ до самой Государыни. Сперва швейцары, а тамъ лакеи, камердинеры, ординарцы, адъютанты, штабы, генеральство. Нашего брата и за полверсты не допустятъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Напрасно ты такъ думаешь. Говорятъ, что князь доступенъ, любитъ покровительствовать талантамъ, особенно отечественнымъ.

КУЛИБИНЪ.

Оно все такъ, батюшка, князь самъ доступенъ, да къ нему-то нѣтъ доступа. Нѣтъ, ужъ объ этой дорогѣ миѣ нечего и думать.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, а что-жъ твоя Академія? Я еще и не спросилъ.

КУЛИБИНЪ.

Академія? Да что вамъ сказать: все по прежнему: г. Эйлеръ, препочтенный и предобродѣтельный человекъ, и еще нѣкоторые, на моей сторонѣ, а другіе, то есть, большая часть, противъ меня. Говорятъ: «Куда-де лезетъ? Ну, русскому-ли самоучкѣ тягаться противъ ученаго иностранца?»— Вотъ и вся не долга. Онамедни одинъ г. академикъ, не хочу называть его имени, — сказалъ при всѣхъ миѣ въ насмѣшку: «Г. Кулибинъ великій механикъ! Посмотрите господа, онъ скоро устроить намъ лѣстницу на небо!» Всѣ захохотали, — смѣяться легко, а каково тому, надъ кѣмъ смѣются? Ахъ! если-бъ удалось миѣ благополучно достроить мою модель, да она бы выдержала должную тяжесть! можетъ быть еще дожилъ-бы я до того, что построилъ по ней черезъ Певу мостъ. Какъ радуга небесная былъ-бы онъ перекинутъ съ одного берега Невы на другой и эта радуга соединила-бы, примирила-бы меня съ Академіей. Г. Эйлеръ еще не-

давно одобрилъ мое сочиненіе объ исчисленіи тяжестей и говорилъ, что по его мнѣнію, мостъ долженъ выдержать. Да, онъ выдержитъ, да выдержу-ли я? человекъ не камень и не желѣзо.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мужайся, Иванъ Петровичъ. Нѣтъ плода безъ труда и испытаній. Я увѣренъ въ успѣхъ твоего дѣла и душевно этого желаю. Еще разъ повторяю тебѣ: вооружись терпѣніемъ и имя твое не умретъ въ потомствѣ. Прощай! Скоро, можетъ быть, опять мы увидимся. *(Подаетъ руку Кулибину и уходитъ)*.

КУЛИБИНЪ.

Прощайте, добрый мой благодѣтель! *(Проводивъ Неизвѣстнаго!)* О! если-бы этотъ человекъ былъ сильнымъ вельможею!

ОТДѢЛЕНІЕ III.

КУЛИБИНСКІЙ МОСТЪ.

Театръ представляетъ дворъ Петербургской Академіи; на лѣво отъ зрителя идетъ фасадъ академическаго зданія; въ глубинѣ ворота; на право начинается деревянный мостъ, плущій за сцену.

I.

Весь академическій дворъ полонъ пародомъ, толпящимся въ глубинѣ сцены. Въ окнахъ множество головъ; у одного окна въ среднемъ этажѣ за богатой гардиной, показывается по временамъ **НЕИЗВѢСТНЫЙ**. На воротахъ сидятъ мужики и ребятишки. У самого моста группы рабочихъ, носятъ на мостъ полосы желѣза, тутъ-же лежащаго; впереди ихъ десятникъ. На лѣвой сторонѣ, въ углу, группа академиковъ, въ полныхъ мундирахъ, между ними **ЭЙЛЕРЪ**. Посреди народа: **УЛЯНА, НАТАША, ЛЮВИНОВЪ, ШПРИХВОРТЪ, ЗЫКИНА, КУРОЦАНЪ** хлопочетъ между пародомъ. На аванъ-сценѣ **КУЛИБИНЪ**.

ДЕСЯТНИКЪ.

И три тысячи двѣсти!

одинъ изъ народа.

Слышали? Три тысячи двѣсти! Вѣдь этакъ мостъ того гляди и выдержитъ!

ЗЫКИНА.

Да, пожалуй, что и выдержать!

КУРОЦАПЪ.

Тише вы тамъ! Соблюдайте порядокъ! Не напирайте такъ впередъ!... Госпожа капитанша, васъ честью просятъ!... господинъ ассесоръ, вамъ русскимъ языкомъ говорятъ!... Ты куда, борода? туда-же впередъ носъ суешь? Чего не видалъ?

КУЛИБИНЪ.

Господи! благодарю Тебя! Теперь я не сомнѣваюсь въ успѣхъ! Выдержать! право выдержать! Еще нѣсколько полюсь и все кончено! Господа академики уже не улыбаются!... Добрый знакъ, радуйся Иванъ! Эта минута вознаградитъ тебя за столько лѣтъ огорченій и страданій!...

ДЕСЯТНИКЪ.

И три тысячи триста!

(Въ народъ говоръ удивленія. Кулибинъ набожно складываетъ руки. Академики подходятъ къ нему).

КУЛИБИНЪ.

Позвольте, господа! Это еще не все! Я хочу самъ убѣдиться въ прочности моей модели! Здѣсь еще осталось желѣза пудовъ на тысячу, да вонъ тамъ у стѣны кладенъ кирпичъ для постройки! Будьте ужъ тамъ добры, господа, позвольте мнѣ все это наложить на мостъ?

АКАДЕМИКИ.

Ого!... Еще?... Съ удовольствіемъ! Извольте! *(По знаку ихъ, рабочіе начинаютъ носить желѣзо и кирпичъ).*

КУРОЦАПЪ. *(бросаясь къ мосту).*

Тише вы!... Не бросайтесь всѣ разомъ!... носите въ порядкѣ, чинно, ровнымъ шагомъ!... Осторожиѣ!... *(Одному рабочему, который его толкнулъ.)* Ты! немытое рыло! не видишь, что-ли, кого толкаешь?... Гдѣ у тебя глаза, въ затылкѣ что-ли?

РАБОЧІЙ.

Да вы, батюшка, ваше благородіе, изволили стать на самой дорогѣ.

КУРОЦАПЪ.

Такъ что-жъ, что на дорогѣ? Обойти что-ли не можешь? я тебя, знаешь, куда за грубости упрячу?... Я тебя *(зглядываетъ нечаянно на сѣно Академіи, гдѣ видныъ Неизвѣстный, стоящій съ дамою въ голубой лентѣ; тотъ грозитъ ему)*

пальцемъ. Куроцапъ теряется и вытянувшись въ струнку, говоритъ рабочему): Проходи съ Богомъ, любезный! Это ничего.... это я такъ, пошутилъ!... Простите!... Ваша.... не буду.... толкай себѣ сколько угодно!... Это ничего!... Я очень радъ.... дѣлай свое дѣло.

ЭЙЛЕРЪ (Кулибину).

У вашего моста настоящая русская натура, г. Кулибинъ, вашъ мостъ скрипитъ, а не поддается!

КУЛИБИНЪ.

Скрыпучее дерево два вѣка живетъ! говоритъ наша по-словица, батюшка.

ЭЙЛЕРЪ.

Смотрите, съ какимъ усердіемъ носятъ рабочіе желѣзо и кирпичъ на вашу модель! Они вдвое скорѣе противъ прежняго стали работать! и какъ будто тоже чему-то радуются.

КУЛИБИНЪ.

Да какъ же имъ и не радоваться, батюшка! вѣдь они тоже Русскіе люди, — такъ успѣхъ русскаго человѣка и у нихъ лежитъ на сердцѣ!

ДЕСЯТНИКЪ

Пять тысячъ пятьсотъ пудовъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Какъ, уже столько? — Заранѣе поздравляю васъ, г. Кулибинъ, съ желаннымъ успѣхомъ, котораго, признаюсь, я не ожидалъ, хоть и зналъ, что вычисленія ваши вѣрны. Я-бы совѣтовалъ вамъ требовать награду, обѣщанную Лондонской Академіей.

КУЛИБИНЪ.

Что мнѣ въ этой наградѣ?... Я трудился не для Англіи, а для матушки-Россіи, — и награжденъ вполне моимъ успѣхомъ и вниманіемъ добрыхъ людей... Развѣ не награда доказать, что и простой русскій мужикъ-самоучка на что-нибудь пригоденъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Никто не сомнѣвается въ дарованіи и способностяхъ вашего народа, но и въ немъ вы составляете блистательное исключеніе.

КУЛИБИНЪ.

Много чести, батюшка! Не я первый, не я послѣдній! Да что-жъ это рабочіе, кажись, приостановились? аль устали, голубчики?... Что-жъ не посятъ желѣзо?

ДЕСЯТНИКЪ.

Нѣту больше желѣза!

КУЛИБИНЪ.

Ну, такъ пусть-бы хоть кирпичу прикинули.

ДЕСЯТНИКЪ.

И кирпичу нѣту! весь складенъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Весь?... Сколько-же на мосту?

ДЕСЯТНИКЪ.

Пять тысячъ семьсотъ пудовъ! (*Минута молчанія. — Кулибинъ въ нѣмой радости поднимаетъ глаза къ небу. — Въ народъ говоръ одобренія.*)

КУЛИБИНЪ (*академикамъ*).

Господа! въ довершеніе моей радости, позвольте просить васъ вмѣстѣ со мною пожаловать на мостъ, пройтись по немъ!... Будьте благонадежны! не обрушимся. (*Видя неръшительность академикозъ, обращается къ рабочимъ.*) Православные! Покажите-ка намъ дорогу! Ну-ка, благословясь, на мостъ! Не бойтесь, вѣдь это наши идуть, а мы своихъ не сгубимъ.

ДЕСЯТНИКЪ.

Съ нашимъ удовольствіемъ, батюшка Иванъ Петровичъ! (*Идетъ на мостъ, за нимъ бросаются рабочіе.*)

КУЛИБИНЪ.

Теперь, кажись, и намъ можно попробовать.... Богъ милостивъ! живы будемъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Господа! прошу покорно! исполнимъ просьбу нашего механика! Пойдемте, г. Кулибинъ, извольте идти впередъ.

(*Кулибинъ, а за нимъ Эйлеръ и прочіе академики входятъ на мостъ. Народъ окружаетъ мостъ. Куроцанъ старается сохранить порядокъ, стоя все лицомъ къ окну и задомъ къ мосту.*)

КУРОЦАПЪ.

Господа! позвольте! не нарушайте порядка! Сдѣлайте Божескую милость!... Покорнѣйше прошу васъ!

ЗЫКВА (въ народѣ).

Ахти, мои матушки! мостъ-то не проваливается! Ей-Богу, не проваливается! — Поди-ко ты, чудо какое! Вотъ они взошли на мостъ.... останавливаются.... снимаютъ шляпы... окружаютъ Кулибина, кланяются ему.... поздравляютъ!

НАРОДЪ (за сценой).

Ура, Кулибинъ!

ЗЫКВА.

Батюшки! Иванъ-то Петровичъ чуть не плачетъ! Сходятъ съ моста!... Идутъ сюда!

КУРОЦАПЪ (видя, что окно, у котораго стоялъ Неизвѣстный, закрылось, вдругъ поворачивается къ народу).

Тише вы тамъ! Чего разорались? чему обрадовались? Вишь ротозѣи! (Кулибинъ выходитъ изъ первой кулисы направо, въ сопровожденіи академиковъ. На встрѣчу ему бросаются Ульяна и Наташа).

УЛЬЯНА.

Иванъ Петровичъ! голубчикъ ты мой! не провалился!

НАТАША.

Дядинька! (обнимаютъ его).

КУЛБЕНЬ.

Жена! Наташа! Ну что, убѣдились-ли вы, что я не сумасшедшій?

ЗЫКВА (пробиваясь сквозь толпу).

Батюшка! голубчикъ Иванъ Петровичъ! проздравляю! проздравляю! Ай-да мостъ! Я всегда знала и говорила, что чудный мостъ. Просто чудесный! Проздравляю васъ, Ульяна Егоровна, и васъ, Наталья Васильевна! Дай Богъ всякаго благополучія!

КУЛБЕНЬ.

Благодарю, матушка Анна Егоровна. Вѣдь вы какъ-то на меня разсердиться изволили?

ЗЫКНА.

Что за сердце, батюшка! да можно-ли на такое золото сердиться? Это была такъ, шутка.

(Шприхвортъ, а за нимъ Любиновъ выходятъ изъ толпы.)

ШПРИХВОРТЪ.

Здравствуйте, Иванъ Петровичъ! Я и племянникъ мой, мы оба пришли васъ поздравить. Я человекъ прямой и говорю, что вы истинно человекъ необыкновенный! Я всегда думалъ и буду думать, что русскій умъ далеко идти можетъ.

КУЛИБИНЪ.

Благодаримъ низайше, Готлибъ Карловичъ. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такое ваше вниманіе и мнѣніе. Помнится, что въ послѣдній разъ....

ШПРИХВОРТЪ.

Эхъ! то было такъ, ничего, и къ тому-же у васъ есть очень хорошая русская пословица: кто старое вспомнетъ, тому глазъ прочь.

ЛЮБИНОВЪ.

Извините дядюшку, Иванъ Петровичъ; онъ тогда былъ не въ духъ, имѣлъ огорченіе; а онъ, право, васъ уважаетъ отъ всего сердца.

ШПРИХВОРТЪ.

Именно отъ всего сердца. Чтобы доказать это, я, г. Кулибинъ, сдѣлаю вамъ маленькое предложеніе, хоть здѣсь и не мѣсто. Надѣюсь, что вы не откажете и не разсердитесь. У меня есть племянникъ, у васъ племянница; оба они, какъ кажется, другъ другу непротивны, лѣтами другъ къ другу подходятъ. Нельзя-ли устроить такъ, чтобъ къ вашей семьѣ прибылъ племянникъ, а къ моей прибыла племянница? Я человекъ прямой, и потому говорю безъ околичностей!

КУЛИБИНЪ.

А что на это скажутъ моя жена и сама племянница?

ШПРИХВОРТЪ.

Что тутъ за церемоніи! Молодые люди другъ друга любятъ и дѣло кончено. Дайте руку Иванъ Петровичъ.

КУЛИБИНЪ.

Извольте. Я увѣренъ, что они будутъ счастливы; но, кажется, Готлибъ Карловичъ, этой свадьбѣ есть помѣха?

ШПРИХВОРТЬ.

А какая помѣха?

КУЛИБИНЪ.

Да та, что въ вашей родинѣ будетъ торчать русская борода.

ШПРЕХВОРТЬ.

И! что такое! Не въ бородѣ, въ достоинствахъ дѣло, а у васъ ихъ такъ много и одно ваше имя стоитъ многихъ длинныхъ родословныхъ деревьевъ, у которыхъ плоды начинаются ананасомъ, а оканчиваются какимъ-нибудь негоднымъ грибомъ.

КУРОЦАПЪ (подходя).

Почтеннѣйшему Ивану Петровичу наше всенижайшее почтение, съ супружницею и всѣми домочадцами, поздравленіе приносимъ!

КУЛИБИНЪ.

И вы, Меркуль Ѳедулычъ, про насъ вспомнили? Много благодарствую. Я, право, думалъ, что вы на меня сердиты, — въ послѣдній разъ...!

КУРОЦАПЪ.

Помилуйте! Смѣлъ-ли я сердиться? Вѣдь, право, безъ вины виноватъ. Ужъ такая признаться натура; только и знаешь, что день деньской сердиться, да бранишься. Вѣдь и самъ ни отъ кого добраго слова не слышишь!

КУЛИБИНЪ.

Ну, что говорить про старое; я радъ даже вашему поздравленію.

II.

ТЪЖЕ И СКРЫПОВЪ (выходитъ изъ Академіи).

СКРЫПОВЪ.

Г. Кулибинъ! Сейчасъ полученъ въ Академіи конвертъ изъ комнатъ Ея Величества, съ повелѣніемъ вскрыть его, если проба надъ моделью благополучно кончится. Вотъ его содержаніе. Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣтъ соизволила Нижегородскаго купца Ивана Кулибина причислить къ С. Петербургской Императорской Академіи Наукъ, съ званіемъ механика; производить ему отъ Академіи жалованье и отдать въ его завѣдываніе состоящую при Академіи механическую мастерскую.

КУЛИБИНЪ.

Механикомъ Академіи! Государыня! да благословитъ тебя тотъ, кто царствуетъ надъ царями!

III.

ТЪЖЕ И БЕДРИНЪ (изъ Академіи).

БЕДРИНЪ.

Г. механикъ, Иванъ Петровичъ Кулибинъ! Я присланъ къ вамъ по повелѣнію свѣтлѣйшаго князя, поздравить васъ отъ его имени съ благополучнымъ успѣхомъ и вручить вамъ пожалованные Ея Величествомъ, серебряный кубокъ, почетный кафтанъ и золотую медаль для ношенія на шеѣ. Его свѣтлости угодно, чтобы вы теперь же ее надѣли.

КУЛИБИНЪ.

Еще милости! Его свѣтлость!... Это ужъ слишкомъ много.

Вотъ видите, родные, что надежды и труды мои не пропали! Но какъ могъ его свѣтлость узнать обо мнѣ?

БЕДРИНЪ.

Помните-ли, около четырехъ лѣтъ тому назадъ?... Онъ знаетъ васъ очень хорошо; и вы также имѣли случай видѣть его, хотя не зная. Почетный кафтанъ прошу васъ надѣть теперь же, потому что сейчасъ будетъ сюда его свѣтлость. По порученію Государыни Императрицы онъ повезетъ васъ обѣдать къ Ея Величеству.

КУЛИБИНЪ.

Господи!... сколько милостей!... И я удостоюсь предстать передъ великою!... Но какъ могла Государыня такъ скоро узнать объ успѣхѣ моего предпріятія?

БЕДРИНЪ.

Ея Величество смотрѣла изъ окна Академія во время производства опытовъ надъ моделью и была свидѣтельницею вашего торжества; слѣдовательно она уже знаетъ все: Съ прибытіемъ сюда свѣтлѣйшаго, вы увидите еще одного изъ вашихъ знакомыхъ.

КУЛИБИНЪ.

Боже мой!... Я понимаю!... я догадываюсь!... Неужели я былъ такъ счастливъ!... Поскорѣ поспѣшу исполнить волю его свѣтлости. (*Надѣваетъ почетный кафтанъ*).

БЕДРИНЪ.

Я также нѣсколько знакомъ вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, хотя въ радости вы позабыли обо мнѣ.

КУЛИБИНЪ (*взглядывая на лицо Бедрина*).

Вы были у меня въ Нижнемъ! Вы первый навели меня на мысль о мостѣ. Да! это были вы. (*Кидается обнимать Бедрина*). О, какъ я радъ видѣть васъ, перваго виновника моего успѣха!

БЕДРИНЪ.

Возвратясь недавно въ столицу изъ продолжительной поѣздки, по дѣламъ службы, я, служа въ канцеляріи свѣтлѣйшаго и услыша о вашей модели, имѣлъ счастье обратить на васъ вниманіе его свѣтлости, который самъ захотѣлъ лично

узнать васъ. Но вотъ и онъ самъ является поздравить русскаго механика.

эйлеръ.

Да здравствуетъ русскій механикъ Кулибинъ! Да будутъ вѣчно помнить о немъ потомки и всѣ тѣ, кому дорога честь русскаго имени, польза и слава отечества!

всѣ.

Да здравствуетъ!